

[умри, о йог, умри*}
Постижение Высшей Истины

**Пребывание с мастером дает
новое рождение к самодисциплине медитации и любви.
Того, кто сжег вожделение в пепел, еще будучи юным,
ищи такого йога в миру, все остальные
просто наполняют свои желудки.*

Ошо

[Die o Yogi Die*}
Talks on the Sutras of Gorakh

ОШО

** Я учу той смерти, через которую я прошел и пробудился.
Это была смерть сна, а не моя смерть. Умерло эго, не я.
Умерла двойственность и родилась недвойственность.
Умерло время, и я встретился с вечностью...*

Горакх

[умри, о йог, умри*}
Постижение Высшей Истины

УДК 141.339(540)

ББК 87.3

О-96

Перевод с английского И. Старых, Ф. Валиулина

Ошо

О-96 Умри, о йог, умри: Постижение Высшей Истины / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2011. — 448 с.

ISBN 978-5-399-00046-6

«Умри, йог, умри» — книга, редкая по красоте даже среди книг самого Ошо.

Пожалуй, она, как никакая другая книга, позволяет настолько приблизиться к Божественному, насколько это вообще возможно для человека, которому не посчастливилось «сидеть рядом» с самим Мастером.

Читатель, прикоснись к этой дивной передаче энергии и осознания!

УДК 141.339(540)

ББК 87.3

Copyright © 1978, 2010 Osho International Foundation,
Switzerland, www.osho.com/copyrights.

All rights reserved.

Originally published as: DIE O YOGI DIE

В Индии книга была издана под названием

Maro He Jogi Maro, Chs 1-10.

Сутры и комментарии Ошо к стихам переведены Yoga Pratap Bharati,

Copyright © OSHO International Foundation.

Все материалы этой книги собраны

из различных выступлений Ошо перед живой аудиторией.

Полный текст можно скачать: www.osho.com <<http://www.osho.com/>>/library.

OSHO — зарегистрированная торговая марка

Ошо Интернэшнл Фаундэйшн, Швейцария, используется с разрешения
(по лицензии). Подробную информацию можно получить на сайте:

www.OSHO.com

Osho International New York,

oshointernational@oshointernational.com,

www.osho.com/oshointernational

© «София», 2011

ISBN 978-5-399-00046-6

© ООО Издательство «София», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i>	
Горакх — камень в основании	6
<i>Глава 2</i>	
Зов неизвестного	49
<i>Глава 3</i>	
Живите спонтанно	92
<i>Глава 4</i>	
Увидеть невидимое	135
<i>Глава 5</i>	
Жить в сердце	181
<i>Глава 6</i>	
Сок будд	223
<i>Глава 7</i>	
Броди в уединении	262
<i>Глава 8</i>	
Сущность существования	306
<i>Глава 9</i>	
Внутренняя революция	352
<i>Глава 10</i>	
Огненное испытание любви	402
Об авторе	446
Международный центр медитаций Ошо	446

Глава 1

Горакх — камень в основании

*1 октября 1978 года, Аудитория Чжуан-цзы,
Пуна, Индия*

*Ни бытие, ни отсутствие бытия,
Ни пустота, ни полнота —
Столь непостижимое и превыше восприятия.
Это невинный голос ребенка
Во внутренних небесах теменной чакры.
Как это может быть названо?
Смех, игра — мастерство медитации.
И днем, и ночью, разделяя это божественное
вдохновение,
Он смеется, играет, его ум не обеспокоен.
Этот безмятежный всегда с Богом.
И днем, и ночью растворяя ум в не-уме,
Отбрасывая познаваемое, говоря о непознаваемом.
Оставив надежду, живя без надежды:
Брахма, творец, говорит: «Я твой слуга».
То, что течет вниз, он направляет вверх,
Йог сжигает свое вожеление.
Он освобождает свои объятия и разрушает иллюзии:
Вишну, вседержитель, оmyвает его стопы.*

*Умри, йог, умри. Умри, ибо сладко такое умирание.
Умри той смертью, какую принял Горакх —
и пробудился.*

Великий индийский поэт Сумитранандан Пант однажды спросил меня: «Кого, по-твоему, в безбрежном море индуистской религии можно назвать двенадцатью самыми яркими сияющими звездами?» И я дал ему большой список: Кришна, Патанджали, Будда, Махавира, Нагарджуна, Шанкара, Горакх, Кабир, Нанак, Мира, Рамакришна и Кришнамурти. Когда я сказал это, поэт закрыл глаза и погрузился в размышления.

Совсем не легко составить такой список, ведь индийское небо полно таким количеством звезд! Кого выбрать, кого исключить?

Сумитранандан был приятным человеком, необычайно мягким, необычайно милым, женоподобным. Даже в старости на его лице сохранялась свежесть, как и должно быть. С возрастом он становился все более красивым.

Я пытался понять выражение его лица. Ему также было трудно. Некоторые имена, которые так хотелось включить, не присутствовали в моем списке. Там не хватало имени Рама. Он открыл глаза и сказал: «Ты исключил Раму!»

Я сказал: «Поскольку ты позволил мне выбрать только двенадцать, мне пришлось не включать многие имена. И поэтому я выбрал только эти двенадцать человек, которые сделали некий оригинальный вклад. Рама не внес оригинального вклада, а Кришна сделал. Вот почему индуисты называли Кришну полной инкарнацией, но не Раму!» И тогда он сказал мне: «А можешь ли ты дать мне семь имен?»

Теперь вопрос стал еще более сложным. И я дал ему семь имен: Кришна, Патанджали, Будда, Махавира, Шанкара, Горакх и Кабир. Он сказал: «Ты исключил пять, на каком основании ты сделал это?» Я ответил: «Нагарджу-

на содержится в Будде; то, что присутствовало в Будде в виде семени, расцвело в Нагарджуне. Так что, если уж обязательно нужно кого-то исключить, Нагарджуну можно исключить. Деревья могут быть исключены, но только не семена. Потому что семена снова станут деревьями. Они станут новыми деревьями. Когда рождается Будда, скоро родятся сотни Нагарджун, но ни один Нагарджуна не может дать рождение Будде. Будда — это исток Ганга, Нагарджуна — место паломничества, которое встречается вам по течению Ганга. Это прекрасное место, но если вам нужно кого-то исключить, то в таком случае можно пожертвовать местом паломничества, но не самим истоком, не Гангом.

Подобным образом в Будде содержится Кришнамурти, это новое издание Будды, самое свежее, которое говорит на современном языке. Но отличие только в языке. Кришнамурти — это расширение последней сутры Будды: «Будь светом самому себе». Комментарий на эту сутру, глубокий, безгранично важный, значительный, но он все равно лишь комментарий, комментарий к этим словам: будь светом самому себе. *Апо дипо бхаво*. Это были последние слова Будды на этой земле. Перед тем как оставить свое тело, он дал эту главную сутру. Сокровище всей его жизни, всего его жизненного опыта содержалось в этих словах, в этой маленькой сутре.

Рамакришну можно легко включить в Кришну. Миру и Нанака можно растворить в Кабире. Они подобны ветвям его дерева. Создается такое ощущение, что половина Кабира проявилась в Нанаке, а половина проявилась в Мире. В Нанаке проявлен мужской аспект Кабира, так что не удивительно, что сикхизм стал воинствующей религией, религией солдат. В Мире проявлен женский аспект Кабира, поэтому в ней появляется такая сладость, такое благоухание, и вся эта музыка отражается от колокольчиков Миры. Мира поет в Кабире на *эктаре*, а Нанак в Кабире говорит речи. Оба они содержатся в Кабире».

И я сказал: «Вот так возник этот список из семи имен». Ему стало очень интересно, и он сказал: «А если бы тебе пришлось составить список из пяти имен?» Я сказал: «Это для меня было бы даже еще труднее». И я дал ему такой список: Кришна, Патанджали, Будда, Махавира, Горакх. Потому что Кабир растворен в Горакхе. Горакх — это корень. Горакха нельзя оставить в стороне. Шанкара же легко растворяется в Кришне. Он — продолжение Кришны, философская сторона Кришны.

Потом он сказал: «Еще один раз: если оставить только четверых?» И тогда я перечислил: Кришна, Патанджали, Будда, Горакх. Ибо Махавира не слишком-то отличен от Будды. Крохотное отличие, он продолжение Будды, просто крохотное отличие в способе выражения. Величие Махавиры сливается с величием Будды.

Он начал говорить: «Еще всего лишь один раз. Пожалуйста, выбери троих!» Я сказал ему: «Теперь это уже невозможно. Я не могу дальше никого исключать. Эти четыре индивидуальности представляют собой четыре главных направления. Эти четыре измерения подобны четырем измерениям времени и пространства. Эти четыре руки подобны четырехрукой концепции Бога. На самом деле есть только один Бог, но у Него четыре руки. И оставить одну руку будет все равно что отрезать ее. Я не могу этого сделать. До сих пор я шел у тебя на поводу. Я продолжал сокращать количество имен. Теперь же нужно будет резать руки, части тела, а я не могу на это пойти. Пожалуйста, настаивай на таком насилии». Он ответил: «У меня возникли некоторые вопросы. Вот один из них: почему ты смог исключить Махавиру, а не Горакха?»

Горакха нельзя исключать потому, что он стал новым началом для этой страны. Махавира не стал новым началом. Он был редкостным человеком. Но столетиями первые двадцать три джайнских *тиртханкары* уже высказывали то, что говорил он. Он был просто их повторением. Его нельзя назвать началом нового путешествия.

Он не может быть назван первым звеном в цепи, скорее он последнее звено.

Горакх — первое звено в цепи. Через него пророс совершенно новый тип религии. Без Горакха не могло бы быть Кабира, Нанака, Даду, Ваджида, Фарида, Миры. Без Горакха никто из них не возможен. Основной корень — это Горакх. С тех пор храм был воздвигнут высоко, и на этом храме добавилось много золотых башен. Но основание есть основание. Несмотря на то что на нем выросло столько золотых башен, они видны далеко — но они не могут считаться важнее фундамента. Основание не видно никому. Но на этом основании стоит вся структура, все стены, все высокие башни. Башням мы поклоняемся. Люди просто забывают о фундаменте. Горакх был забыт подобным образом.

Но вся традиция Святости индийских мистиков обязана Горакху. Точно так же как без Патанджали в Индии не было бы йоги, без Будды не было бы медитации, без Кришны не нашел бы своего выражения Путь любви, без Горакха не обрел бы своего завершения поиск путей достижения высшей истины, поиск методов и техник духовной практики. Никто другой не сделал столько открытий для внутреннего поиска человека. Горакх создал столько методов, что его по праву можно назвать первооткрывателем. Он открыл столько дверей, через которые можно пройти во внутренний мир бытия человека, придумал столько путей, что люди даже потерялись в них. Поэтому люди забыли Горакха, но они не забыли слова *горакхадханда*, это слово сохранилось в значении «запутанный лабиринт». Он дал столько методик, что люди просто запутались, они не понимали, какой метод правильный, а какой нет, какой следует практиковать, а какой — отбросить. Он дал столько методов, что люди просто онемели, и поэтому слово *горакхадханда* означает лабиринт. Теперь, если кто-то запутался в своих проблемах, мы говорим: «В какую горакхадхану ты попал?»

Горакх был редкостной личностью, в чем-то похожей на Эйнштейна. Эйнштейн создал удивительные методы для исследования истины этой Вселенной, до него еще никто из ученых таких не создавал. Да, сейчас они пошли дальше, но Эйнштейн создал первооснову. Те, кто сейчас следуют за ним, вторичны. Они не могут быть первыми. Дорога была сначала проложена Эйнштейном. Многие придут — те, кто будут улучшать эту дорогу. Кто-то будет ее строить, кто-то будет ставить указатели, кто-то будет украшать ее и делать комфортной. Многие люди придут, но никто не может занять место Эйнштейна. Во внутреннем мире то же самое относится к Горакху.

Но почему люди забыли о Горакхе? Люди помнят указатели на дороге, но забывают о первопроходце. Помнят о тех, кто украшал путь, но забывают о том, кто прокладывал эту дорогу. Они забыли о них — ведь те, кто приходят позже, надевают красивые одежды. Тот, кто приходит первым, будет неотполированным, незавершенным. Горакх подобен неотшлифованному алмазу. Если бы Горакх и Кабир сидели вместе, на вас оказал бы впечатление Кабир, а не Горакх. Потому что Горакх — это сырой алмаз, только что добытый из копей, но над Кабиром уже напряженно трудились ювелиры. Над ним как следует потрудились резец, его много полировали, и он превратился в бриллиант.

Разве вы не знаете о том, что, когда впервые был открыт бриллиант Кохинор, человек, который нашел его, не знал, что это алмаз? Он отдал его детям, чтобы они играли с ним; они думали, что это красивый цветной камень. Он был бедняком. Он нашел Кохинор в маленьком ручье на своем поле. И многие месяцы этот камень лежал в его доме, и дети играли с ним, бросая его из одного угла в другой. Вы бы не смогли признать в нем тот Кохинор. Его изначальный вес был в три раза больше, чем сегодня. Края были необработанными, потом их обрубили, он был отполирован, огранен, грани долго шлифовали. Сегодня осталась только одна треть того веса, который был сна-

чала, но его ценность стала в миллионы раз больше. Вес стал меньше, ценность увеличилась, потому что он был ограничен, его полировали долго и тщательно.

Если бы Кабир и Горакх сидели вместе, наверное, вы бы даже не узнали Горакха, потому что Горакх — это алмаз, который только что вынули из Голкондских рудников. В Кабуре уже много очищено, ювелиры много потрудились, и тогда на свет появился Кохинор, такой, каким вы видите его сегодня. Теперь тот камень, который был его родоначальником, забыт.

Вы будете очень удивлены, когда услышите слова Горакха. Нужна определенная огранка, его высказывания не обработаны. Этой огранкой я тут и занимаюсь. Вы будете удивляться, когда начнете немного узнавать его. Горакх сказал самое главное. Он сказал самое ценное.

И поэтому я сказал Сумитранандану Панту: «Я не могу исключить Горакха, так что число не может быть меньше четырех!» Естественно, он мог подумать, что я исключу Горакха вслед за Махавирой. Махавира — это Кохинор, это не грубый алмаз, который вы извлекаете из копей. Существует тысячелетней давности традиция из двадцати трех *тиртханкар*, которая должна быть завершена, ей не хватает окончания. Ее нужно обработать, отточить, чтобы она начала сиять. Вы видите? Махавира — это двадцать четвертый *тиртханкара*. Люди забыли имена предыдущих двадцати трех *тиртханкар*. Не-джайны даже не знают эти двадцать три имени. А джайны не могут перечислить двадцать три *тиртханкары* по порядку. Они забывают их последовательность. Махавира — последний, это шпиль храма. Мы помним о шпиле храма, мы до сих пор дискутируем о нем. Но кто говорит о камне, который лежит в основании?

Сегодня мы начинаем разговор об этом камне у основания. И весь храм индийской литературы, которая пишет о традиции Святых, основывается на нем. Все основывается на этой личности. Он сказал все это, и медленно, медленно

все, что он сказал, становилось все более прекрасным, все более многоцветным великолепием. Люди будут медитировать и основывать свои духовные практики на этом основании столетиями. Кто знает, сколько еще просветленных будет рождаться благодаря ему!

Умри, йог, умри. Какие прекрасные слова! Он говорит: *умри, йог, умри, исчезни, будь в полном забвении.*

Умри, йог, умри, ибо сладко такое умирание. Потому что в этой Вселенной нет ничего слаще смерти. Умри, умри такой смертью и...

Умри той смертью, какую принял Горакх — и пробудился. Умри так, как умер Горакх, когда обрел просветление. Точно так же умри ты — и обрети.

С одним видом смерти мы уже знакомы. В ней умирает тело, а ум продолжает жить. То же самое эго находит следующее лоно. То же самое эго с новыми желаниями снова начинает свое путешествие. Даже еще до того, как мы оставляем тело, мы уже стремимся к следующему. Эта смерть — не истинная смерть.

Я слышал, что один человек сказал Горакху, что хочет совершить самоубийство. Горакх ответил: «Иди и соверши его, но я хочу сказать тебе, что позже ты будешь очень удивлен!» Этот человек спросил: «Что ты имеешь в виду? Я пришел к тебе для того, чтобы ты сказал мне: «Не делай этого». Как поступают другие *садху*. Они все предупреждают меня, чтобы я не делал этого, ведь это большой грех!»

Горакх сказал: «Ты сошел с ума? Никто не может совершить самоубийство. Никто не может даже умереть. Смерть невозможна. Я предупреждаю тебя; сделай это — и ты будешь удивлен. Совершив самоубийство, ты внезапно обнаружишь: «Что же, тело осталось позади, но я такой, как раньше, в точности такой же!»

Но если ты хочешь совершить истинное самоубийство, просто оставайся со мной. Если же ты хочешь играть в глупые игры, это твое дело: спрыгни с какой-нибудь горы

или сунь шею в петлю. Но если ты хочешь совершить истинное самоубийство, оставайся со мной. Я передам тебе искусство, которое поможет совершить великую смерть, и тогда ты уж больше никогда не сможешь вернуться обратно».

Но эта великая смерть кажется нам не чем иным, как другим названием той смерти, которую мы знаем, вот почему он использовал другой термин, он называет ее «сладкой» смертью.

Умри, йог, умри, ибо сладко такое умирание.

*Умри той смертью, какую принял Горакх —
и пробудился.*

Горакх говорит: я учу смерти, той смерти, через которую я прошел и пробудился. Это была смерть сна, а не моя смерть. Умерло эго, не я. Умерла двойственность, не я. Умерла двойственность и родилась недвойственность. Умерло время, и я встретился с вечностью. Малая, зажатая жизнь сломалась, и капля стала океаном. Да, определенно, когда капля стала океаном, она умерла как капля. Но она впервые обрела великую жизнь, она продолжает жить как океан.

Поэт Рахим сказал:

Капля равна океану — какое чудо! Кому сказать?

Рахим-искатель был удивлен, посмотрев на себя.

Рахим говорит, что капля равна океану. Насколько же это чудесно! Кому рассказать? Кто поверит в это? Все настолько великолепно, но кто признает, что капля росы и океан равны между собой? Все существование заключено в атоме. Тут нет ничего малого, все содержится в целом. *Капля равна океану — какое чудо! Кому сказать?* Это настолько великолепно, что, если вы скажете об этом кому-то, он не поверит в это. Это настолько великолепно, что, когда я впервые сам узнал об этом, мне не хотелось в это верить!

Рахим-искатель был удивлен. Когда я увидел это впервые, говорит он, я также был потрясен, потому что я всегда думал, что я мал и ограничен. Но человек ощущает

свою безбрежность тогда, когда все границы сокрушены, когда человек переступает пределы малого.

Как эго, ты не получаешь ничего, ты только теряешь. Когда ты создаешь эго, ты ничего не получаешь, ты все теряешь. Ты остаешься каплей, крошечной каплей. И чем больше ты невежествен, тем меньше ты становишься. Обман все больше и больше усиливает эго. Чем больше ты плависься, тем больше ты становишься, чем больше ты растворяешься, тем более великим ты становишься. Если ты растворяешься полностью, если ты полностью испаряешься, все небо принадлежит тебе. Упади в океан — и ты станешь океаном. Испарись, поднимись к небу — и ты станешь огромным небом. Твое бытие едино с существованием. *Капля равна океану — какое чудо! Кому сказать?* Но когда ты ощущаешь это впервые, ты станешь немой, как немой, который ест сладости. Он будет ощущать эту сладость, будет ощущать этот вкус, нектар будет литься внутрь, но у него не будет слов, чтобы выразить это.

Какое чудо! Кому сказать? Как описать? Это такое великолепие!

Те, кто достаточно мужествен, провозглашают: «Ахам Брахмасми — я есть Высшее». Неужели ты думаешь, что люди признают это? Мансур сказал эти слова: «Аналь хак, я есть истина» — и люди просто убили его. Иисус был распят, потому что Он сказал: «Я и Мой Отец Небесный — одно». Отец и сын не отдельные. Иудеи не смогли простить Его. Когда кто-то провозглашает свою божественность, люди не могут простить такого человека. Так обстоят дела.

Какое чудо! Кому сказать? Но кому ты можешь сказать? Кому бы ты ни сказал, он будет отрицать это.

Вчера бывший вице-президент гурукулы Сатьяврат посетил ашрам. Ма Даршан показывала ему ашрам. Сатьяврат пишет книги об Упанишадах. Он ученый, который изучает Веды. Лишь немногие в этой стране знают Веды так же глубоко, как знает их Сатьяврат. Я читал его книги, знаю его идеи. Но он задал тот же вопрос, что и

все остальные: «Почему вы зовете своего мастера *Бхагваном?*» И он тоже...

Между нашими учеными и невежественными людьми нет отличия. Даршан ответила ему на вопрос. Она сказала: «Вы тоже *бхагван*, но вы не помните этого, а он — помнит». Это был правильный ответ, четкий. Когда ученые приходят в ашрам, помни, им следует отвечать именно так.

Сатьяврат написал книгу по Упанишадам. Он, должно быть, столкнулся со словами: «*Ахам Брахмасми* — я есть Высшее». Кто не читал их? Определенно, он мог размышлять над этим великим утверждением: «*Ты создал это*». Он, должно быть, комментировал их, читал лекции о них. Но все его знание остается только на поверхности. Даже Даршан идет глубже. А в нем это знание осталось просто ученостью, пустым, подобным мусору. Оно бесполезно и не стоит даже двух центов.

Упанишады говорят: «Ты создал это». Упанишады говорят: «Я есть Брахман, Высшее». Но ты все равно продолжаешь спрашивать: «Почему вы кого-то зовете *Бхагваном?*» Я спрашиваю вас: «Есть ли кто-то, кого мы можем не называть *бхагваном?*»

Кто-то спросил у Рамакришны: «Где Бог?» Рамакришна ответил: «Не спрашивай об этом, спроси, где Его нет».

Священник Каабы сказал Нанаку: «Убери свои ноги, чтобы они не были направлены к Каабе. Неужели тебе не стыдно? Ты святой, и все равно твои стопы направлены к Каабе, к святому храму!» Нанак ответил: «Тогда покажи мне, куда мне направить мои стопы: в каком направлении нет Бога, нет Аллаха? Что я должен делать? Куда я могу направить мои стопы? В каком направлении я могу направить мои стопы? Мне нужно направить их куда-нибудь. А Он присутствует повсюду, Он пронизывает все направления. Но меня это не беспокоит». Нанак сказал еще вот что: «Он внутри и Он снаружи. Камень Каабы принадлежит Ему, и стопы также принадлежат Ему: что я могу сделать с этим? Кто я такой, чтобы вмешиваться?»

Даршан сказала правильно: «Когда ты пробуждаешься, ты узнаешь о том, что есть только *Божественность, присутствующая всюду*, все есть Бог». Это то, что выше нас с вами, и те люди, которых мы называем мудрецами, мелют такую чепуху... Они еще умудряются вести за собой других. Слепые ведут за собой слепых. И все они падают в колодец. Какими бы великими ни были их степени: *сатьяврат, сиддханталанкар* — «тот, кто знает принципы». Но без просветления никто не может знать принципы. Никакие принципы не познаются благодаря чтению писаний, они познаются только тем, что ты погружаешься внутрь.

Капля равна океану — какое чудо! Кому сказать?

Рахим-искатель был удивлен, посмотрев на себя.

Рахим говорит: когда я смотрю внутрь себя, меня это тоже удивляет, потрясает, и я остаюсь без слов. Я сам не могу поверить в это: я — Бог? Этот голос, который вырастает внутри, этот звук «*Аналь хак*», который звучит внутри. Это внутреннее эхо «*Ахам Брахмасми*» внутри, этот беззвучный звук *омкар*, который пробуждается внутри, — я сам не могу поверить, что я, Рахим, такой обычный, маленький человек, как я, — и Бог?

Капля равна океану. Кому я могу сказать об этом? Мне трудно доверять даже себе — тогда кому же сказать?

Именно поэтому я сижу здесь, чтобы помочь вам доверять себе. И когда это доверие приходит, это превращается в *сатсанг*: сидеть с Мастером. Когда вы сидите вместе со мной, вы не становитесь *сиддханталанкарами*, а становитесь *сиддхами*, наполненными, ничто меньшее не годится. Все меньшее будет бесполезным. Научитесь искусству умирать.

Умри, йог, умри. Смерть есть капля, стань океаном. Искусство смерти есть искусство достижения абсолютной жизни.

Ни бытие, ни отсутствие бытия,

Ни пустота, ни полнота —

Столь непостижимое и превыше восприятия.

Это невинный голос ребенка

Во внутренних небесах теменной чакры.

Как это может быть названо?

Ни бытие, ни отсутствие бытия. Мы не можем сказать, что Бог есть. И мы не можем сказать, что Его нет. Думай, размышляй. Бог есть — и Бога нет, Он един и с тем, и с другим, следовательно, Он выше и того, и другого. Ни верующий, ни атеист не знают Бога. Ни верующего, ни атеиста нельзя считать религиозным. Естественно, нельзя считать религиозным атеиста. Но те, кого ты называешь верующими, — они тоже нерелигиозны. И те, и другие выбирают только половину. Бог есть, и Его нет — и то, и другое истина одновременно. Его бытие подобно небытию. Его полнота подобна пустоте. Его присутствие подобно отсутствию. В Боге все противоречия соединяются и разъединяются. Это самое главное противоречие: Он есть — и Его нет. Если ты говоришь, что Он есть, это только половина; если ты скажешь, что Его нет, это также будет только половиной. Если чего-то нет, куда это идет? Даже когда этого нет, это должно быть где-то. Даже тогда, когда чего-то нет, это должно продолжать быть где-то.

Представь себе дерево, большое дерево. На нем растут семена. Дерево умрет, ты сажаешь семена, и снова они прорастают и становятся деревьями. Что это были за семена? Это было не-бытие дерева. Это была не-форма дерева. Если бы ты сломал семя и вскрыл его, ты бы не нашел там дерева. И сколько бы ты ни искал, в семени нельзя найти дерева. Куда же делось дерево? Но в каком-то смысле дерево спрятано в семени. Его отсутствие знаменует собой присутствие. Оно было там и было проявлено, теперь оно отсутствует и проявлено потенциально, спрятано. Посади семя в землю, ухаживай за ним как следует — и оно снова станет деревом. Но после того, как дерево прорастает, семени больше нет, они не могут существовать вместе. Дерево исчезает, становится семенем, семя исчезает, становится деревом.

Это две стороны одной и той же монеты. Ты не можешь видеть обе стороны сразу — или можешь? Попробуйся, монета маленькая, ее можно вложить в руку. Попробуйся увидеть обе стороны сразу. Это будет сложно сделать. Когда ты видишь одну сторону, другая тебе не видна, когда ты видишь другую сторону, первая сторона тебе не видна. Но если первая сторона тебе не видна, можешь ли ты сказать, что ее нет?

Творение — это одна форма Бога, а уничтожение — другая Его сторона. Одна из Его форм есть присутствие, а другая форма — отсутствие. Когда ты натягиваешь струны *вiны*, возникает музыка. Откуда она берется? Где она была мгновением раньше? Она была в пустоте. Она определенно существовала. Если бы ее не было, она не могла бы появиться. Она лежала спрятанная в какой-то глубокой клетке. Когда ты прикоснулся к струнам, ты начал играть. Ты прикоснулся к струнам и дал им вдохновение. Песня лежала спящая. Она проснулась. Музыка не дала рождение звуку, она только пробудила его, пробудила спящего. Но кто дал рождение музыке? Ей никто не давал рождения.

Во Вселенной ничто не может быть создано и ничто не может быть разрушено. Теперь с этим соглашается и наука.

Ты не можешь ни сотворить, ни разрушить даже крохотную частичку земли. Ничто не может быть добавлено к Вселенной или уничтожено в ней. Все остается в том же виде. Но вещи все равно появляются и исчезают. Это подобно тому, как актеры в спектакле исчезают за сценой и появляются вновь. Они просто исчезают и появляются на сцене вновь. Дерево остается позади, и на сцену выходит семя, потом наоборот. Поднимается занавес, и семя вновь становится деревом.

Когда ты видишь, как человек умирает, что ты видишь на самом деле? Ты видишь не-форму Бога — сейчас она есть, сейчас ее нет. То, что было, становится теперь тем, чего нет, а то, чего нет, становится тем, что есть. Верую-

щий выбирает половину, атеист также выбирает половину. Нет разницы между ними двумя — каждый выбрал только одну сторону равновесия. Равновесие — это сочетание двух сторон плюс что-то еще. Существование — это сумма того, что есть, и того, чего нет, плюс кое-что большее.

Верующий боится, атеист также боится. Если ты поймешь страх верующего и страх атеиста, ты узнаешь удивительную вещь: между ними нет отличия. Основной корень один и тот же — страх. Верующий боится: «Я не знаю, что случится после смерти, я не знаю, что было до того, как я родился. Я не знаю, останусь ли я один или нет? Жены не будет, друзей не станет, отца, матери, всей семьи не станет. Я все устроил, и мне все придется оставить здесь. Буду путешествовать дальше один. Не будет спутников, не будет попутчиков». Если же я поверю в Бога, это даст мне хотя бы какое-то общество, спутников, — по крайней мере, я буду с Богом». Верующие верят в Бога из страха.

Молитвы людей, которые склоняются на коленях перед Богом в храмах и мечетях, идут от страха. А когда ты молишься от страха, твои молитвы грязные. Даже храмы становятся грязными из-за наших молитв. Храмы превратились в центры борьбы, насилия, враждебности, соревнования. Храмы и мечети не делают ничего, они только борются друг с другом.

Верующие боятся. Атеисты также боятся. Ты немного удивишься, что я говорю тебе это. Обычно люди думают, что, если бы атеист боялся, он бы поверил в Бога. Но люди потерпели поражение в своих попытках заставить его бояться, вызвать в нем страх ада. Они приводят ему очень живописные описания ада, очень подробные: они описывают адское пламя, грешников в кипящих котлах, дьяволов, монстров, которые будут жестоко мучить, бить и бросать в сжигающее пламя. Они терроризируют его, но атеист все равно не боится всего этого, он не верит в Бога, и потому люди думают, что он ничего не боится. Они ошибаются.

Каждый, кто глубоко всмотрится в человеческий ум, увидит, что атеист отрицает Бога, потому что он тоже боится. Его отрицание тоже идет от страха. Он боится того, что Бог *может* существовать. Тогда будут существовать небеса и ад. Будет грех и добродетель. Если Бог существует, когда-то тебе придется отвечать перед Ним. Если есть Бог, за нами кто-то постоянно наблюдает. Кто-то проверяет нас. Где-то ведется запись наших жизней. И мы должны отвечать перед кем-то, мы не можем просто так уйти от этого. Если есть Бог, нам придется преобразить себя. И тогда нам придется жить такой жизнью, что мы должны будем склонять пред Ним колени.

Если есть Бог, атеиста охватывает еще один вид страха. Если есть Бог, ему придется искать Его, придется поставить свою жизнь на кон. Но все не так просто. Было бы проще, если бы Бога не было. Тогда мы были бы свободными. Если ты свободен от Бога, ты также становишься свободным от ада и рая. Нет ни страха ада, ни ощущения упущенного рая. Ты не боишься, что те, кто поклоняются в храме, отправятся на небеса, потому что рая нет. Кто-нибудь когда-нибудь был в раю? И кто туда отправится? Куда? Человек не может пережить смерть. Какая добродетель? Какой грех?

Чарваки, источник атеизма на Востоке, говорили: не беспокойтесь, наслаждайтесь тем, что вы едите, даже если для этого вам приходится занимать деньги! Не беспокойтесь о том, чтобы вернуть долг. Кого это должно волновать? Кто берет займы, кто будет возвращать долги? Вы умираете, и все остается позади, исчезает и ваше, и чужое. И ничего не остается. Если ничего не остается, так чего же бояться? Если вы хотите грешить, грешите. Если вы хотите делать зло, делайте. Живите свободно, так, как хотите. Ваша жизнь мимолетна — отбросьте же все свои беспокойства и живите красиво. Даже если вы раните кого-то другого, даже если вы совершаете насилие по отношению к кому-то другому, не беспокойтесь об этом. Ка-

кое насилие, какие раны? Это все только фасад, который построили священники, чтобы пугать вас.

Но если мы посмотрим в ум самого *чарваки*, мы увидим там присутствие того же страха. Он отрицает Бога из страха.

Ты замечал, что есть некоторые люди, которые отрицают существование духов просто из страха. Ты должен знать таких людей, которые говорят: «Нет, нет, духи не существуют!» Но когда они говорят: «Нет, нет...» — просто внимательно посмотри на их лица.

Однажды в моем доме гостила одна женщина. Она не верила в Бога. Она говорила: «Бога просто не существует». Я сказал: «Оставим Бога; ты веришь в духов?» Она сказала: «Нет, это все чепуха!» Я сказал: «Не забудь того, что ты сказала сейчас, потому что как раз сегодня ночью в этом доме останемся только ты и я — никого больше не будет. Я не могу сказать, что я могу организовать тебе встречу с Богом, но я могу устроить тебе встречу с духами!» Она сказала: «О чем ты говоришь? Нет такой вещи, как духи!»

Но я видел, что она начала немного нервничать. Она начала оглядываться по сторонам. Ночь становилась все глубже. Я сказал: «В таком случае, все нормально, я расскажу тебе все». Она сказала: «Я просто не верю в них. Что ты можешь мне рассказать? Я просто не верю в них!» Я сказал: «Вопрос не в том, чтобы верить или не верить. Когда-то в этом доме жил работник прачечной. Это было во времена Первой мировой войны. Он только что женился. Его любимая супруга приехала, чтобы жить здесь вместе с ним. Она была прекрасна во всех отношениях, но у нее был один изъян. Он был одноглазая. У нее была очень светлая, гладкая кожа, прекрасная фигура, но одного глаза не хватало!» И я нарисовал ей живую картину этой женщины. «Ему пришлось отправиться на войну, потому что его призвали на службу. Ей приходили письма, в которых он писал, что скоро приедет. Она ждала, ждала, ждала. Но он так и не приехал, он был убит

на войне. Потом она умерла в ожидании и превратилась в привидение. И она до сих пор еще живет в этом доме и ждет, когда он вернется обратно. У нее только один глаз, красивая светлая кожа и черные длинные волосы. Она носит красное сари». Но женщина настаивала: «Я не верю в духов и привидения».

Но мне было видно, что она начала нервничать. Я сказал: «Говорю тебе все это, потому что сегодня ты остаешься и ночуешь здесь впервые. Но если кто-то ночует здесь в первый раз, она приходит к этому человеку посреди ночи, стаскивает одеяло, чтобы увидеть, не ее ли это муж вернулся с войны». Тут она побледнела. Она сказала: «О чем ты говоришь? Такой образованный человек, как ты, верит в привидения и духов?» Я сказал: «Это не вопрос веры. Но следует предупредить тебя, иначе ты можешь испугаться до смерти. Теперь я сказал тебе об этом. Если к тебе ночью придет одноглазая женщина в красном сари со светлой кожей и длинными черными волосами, не пугайся. Она никогда никому не вредит. Она просто скидывает одеяло, она стучит по полу в отчаянии и уходит!»

И еще у прежнего владельца этого дома, ее мужа, была привычка ночью чистить зубы. Он вставал ночью по нескольку раз и чистил зубы. И поэтому я сказал ей: «Скажу тебе еще об одной привычке этой женщины. Когда она войдет в комнату, она начнет скрежетать зубами. Она так долго ждала его, прошел век. Она так любила его, и теперь она сердится, ведь он обманул ее, он так никогда и не вернулся. Поэтому она скрежещет ночью зубами». Она сказала: «О чем ты говоришь? Я просто не верю в это. Пожалуйста, прекрати этот разговор. Зачем ты пытаешься напугать меня?» Я сказал: «Если ты не веришь мне, тогда тебе не о чем беспокоиться!»

Мы говорили так до полуночи. И я сказал: «Теперь иди спать». Она отправилась в свою комнату. И случилось так, что, как только она легла спать, пришло привидение и начало скрежетать зубами. Оно спало в другой комна-

те. Я знал, что на привидение можно положиться. Ночью оно скрежетало зубами по крайней мере раз десять.

Женщина пошла в комнату, выключила свет — и тут оно начало скрежетать зубами. Женщина вскрикнула. Я бросился к ней в комнату и включил свет. Она была практически парализована от страха, она показывала в угол комнаты: «Посмотри! Она стоит там». Я попытался объяснить ей разными способами, что привидений не существует. Она сказала: «Я не могу поверить тебе. Они точно существуют. Она же стоит прямо там, и она в точности такая, как ты мне описал: одноглазая, светлая, с черными волосами, в красном сари, и она скрежещет зубами».

Всю ночь мне придется страдать, потому что она не будет спать и не позволит спать мне. Она говорила мне, что теперь не сможет уснуть: «Если я усну, привидение снова придет ко мне?» Я спросил ее: «Разве привидения существуют? Это просто воображение. Я рассказывал тебе историю, просто чтобы показать...» Ночью у нее начался жар, и мне пришлось позвать врача. И врач, который пришел, сказал, что я создаю ненужные проблемы...

Та женщина уехала на следующее утро. И она больше никогда не возвращалась в мой дом. Несколько раз я посылал ей приглашение погостить. Но она ответила мне, что никогда не сможет переступить порог этого дома. Я объяснял ей, что привидений не существует. Но она отвечала: «Кого ты пытаешься обмануть? Просто оставь эту тему. Я сама пережила их присутствие!»

Помни, что обычно ты начинаешь отрицать то, чего боишься. Ты отрицаешь, чтобы не помнить, потому что ты боишься. Но возникает вопрос: если этого нет, чего же бояться?

Нет вообще никакого отличия между верующим и атеистом. Один боится положительно, а другой боится отрицательно. Отличие только в положительном и отрицательном. Но боится и тот, и другой. Из страха атеист говорит, что Бог не существует. После того как ты пове-

ришь в Бога, за этим последует много чего еще, и ты просто боишься этого. Верующий говорит, что Бог есть, и он боится положительно. Он говорит: «Бог существует. Если я не буду верить в Него, если я не буду молиться Ему, если я не буду следовать Его заветам, меня будут пытаться».

Истинно религиозный человек говорит, что Бог — это и то, и другое. Бог находится выше всех писаний, концепций и верований как верующего, так и атеиста.

Ни бытие, ни отсутствие бытия... Нельзя сказать, что Он есть, и нельзя сказать, что Его нет. *Он не пустота и не полнота.* Нельзя сказать, что Он пустой, и нельзя сказать, что Он полный. *Столь непостижимый и превыше восприятия.* Столь непостижимый... Никакие наши слова не могут измерить Его. Наши слова подобны крошечным чайным ложкам. А Он подобен океану. В эти ложки нельзя собрать весь океан, нельзя измерить океан. Все наши измерения слишком малы. Наши руки очень малы. Наша способность восприятия очень мала. А Он — безгранично большой. Он безграничный, Он настолько непостижим, Он за пределами чувств.

Рахим говорит:

Словами нельзя описать непостижимое, нельзя услышать о Нем. Те, кто знают, не говорят, а те, кто говорят, — не знают.

Словами не измерить непостижимое... Он настолько непостижим! Попробайся понять смысл слова: *непостижимый*. Непостижимый — это тот, чью глубину мы не можем измерить. Это то, что за пределами глубины. И сколькими бы способами мы ни пытались, мы не можем понять Его, ибо Он бездонный. И те, кто пытаются измерить Его глубину, медленно, медленно растворяются в Нем.

Говорят, что однажды две куклы, сделанные из соли, отправились измерить глубину океана. Они прыгнули в море. Там гремела ярмарка и собралась огромная толпа — пришли все. Они долго ждали, но постепенно пляж опустел, потому что ни одна из кукол не вышла из моря,

они просто растворились. «Ищите, ищите, о друзья мои, Кабир исчез!»

Они отправились искать и исчезли сами. Как долго могут соляные куклы выжить в морской воде? Они должны были раствориться. Они были частью океана, и поэтому им пришла в голову такая мысль. Мы тоже соляные куклы, Бог — океан. Мы отправляемся на Его поиски — и растворяемся сами.

Непостижимое — это не просто неведомое. Неведомое означает нечто, что однажды может быть познано. То, что известно сегодня, когда-то было неизвестным. Человек никогда раньше не был на Луне, но теперь он побывал там. До сих пор Луна была неведомой, но теперь она известна. Мы не знали тайны атомов, но теперь знаем.

Бог — это не просто неизвестное. Здесь отличие между религией и наукой. Религия говорит, что есть три вещи в этой Вселенной: известное — то, что уже известно; неведомое — то, что неизвестно, но когда-нибудь может быть познано; и непостижимое — то, что неизвестно и никогда не будет познано. Наука говорит, что во Вселенной есть только две вещи: известное — то, что уже известно, и неизведанное — то, что неизвестно, но когда-нибудь может быть познано. Наука делит всю Вселенную на две категории: то, что известно, и то, что *будет* известно. Непостижимое... В одном этом слове скрыта вся сущность религии. Есть нечто, что никогда не было известно и никогда не будет известно, поскольку таинство это таково, что тот, кто ищет его, исчезает в нем.

Слова, которые касаются непостижимого, не могут быть высказаны или услышаны.

И когда искатель сам растворяется, что говорить, кому сказать, как сказать это? Слова очень маленькие, очень неглубокие. Ты тоже испытал это в своей жизни. Ты встаешь рано утром, солнце поднимается из-за горизонта, деревья пробуждаются. Запах свежей земли в воздухе, только что прошел дождь. Капли росы на траве подобны сверкающим жемчужинам. Птицы начали петь. Павлин танцует, соло-

вей поет, цветы цветут, лотосы открывают свои лепестки. И ты видишь все это. Это не за пределами восприятия твоих чувств, ты можешь это почувствовать. Ты ощущаешь всю эту красоту. Если кто-то попросит тебя описать это одним словом, что ты скажешь? Только это: это было красиво, было очень красиво. Но можно ли это описать? В этой красоте есть и лучи солнца, и благоухание свежей земли, и раскрывшиеся лепестки лотоса, и пение птиц, и капли росы на лепестках лотоса, и зелень на деревьях, и высокое небо. Но во всем этом по отдельности ничего нет. Что же подразумевается под этим словом: красота? Ничего конкретного, только несколько букв алфавита.

Представь себе, что ты пишешь слово «лампа» и вешаешь его на стену. Сможет ли это слово осветить ночь? Ночь темна, и она останется темной. Если ты будешь говорить о лампе, твои разговоры не осветят пространство.

Одна женщина сказала Пикассо: «Вчера я видела ваши картины, и среди них ваш автопортрет в доме друга. Он был настолько прекрасен, что я поцеловала его, я не смогла сдержаться!» Пикассо спросил: «И что же случилось потом? Портрет поцеловал вас в ответ?» Женщина ответила: «О чем вы говорите! Конечно, нет!» Пикассо сказал: «Но в таком случае, это, наверное, был не мой портрет!»

Сосед Муллы Насреддина сказал ему: «Следи за своим мальчиком, он не успел приехать, как уже начал приставать к женщинам. Вчера он бросил маленький камешек в мою жену». Мулла спросил: «Он попал в нее?» Сосед ответил: «Нет, слава Богу!» Мулла сказал: «Тогда это был, должно быть, чей-то чужой сын. Мой сын всегда попадает в мишень. Это другой мальчик, ты ошибся!»

Здесь была подобная ситуация, и Пикассо сказал: «Это, должно быть, был не мой портрет. Это был не я. Он не ответил вам на ваш поцелуй? Какая чепуха! Это был не я. Я бы обязательно ответил!»

Но картины не отвечают. Они не могут. Наши песни, наши слова, наши писания тоже не справляются с этим.